Я сбилась с пути

Автор:
Гейл Форман

Я сбилась с пути

Гейл Форман

Фрейя пытается восстановить свою жизнь: она потеряла голос, когда записывала дебютный альбом. Харун планирует бросить всех, кого когда-либо любил. Натаниэль только что прибыл в Нью-Йорк с крошечным рюкзаком и отчаянным планом – ему нечего терять и некуда идти.

Все они сбились с пути. И чем больше запутываются в своей жизни, тем яснее осознают: может, путь к счастью лежит через помощь другим?

Гейл Форман

Я сбилась с пути

Gayle Forman

I HAVE LOST MY WAY

Copyright © 2018 by Gayle Forman

© Ольга Медведь, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Кену Райту, Анне Ярзаб и Майклу Бурре

Приди, приди, кем бы ты ни был,

Странник, поклоняющийся, любящий жизнь –

Это не важно.

Наш караван – не караван отчаяния.

Приди, даже если ты тысячу раз нарушил

Свою клятву.

Приди, приди же еще, приди.

Джалаладдин Руми

Не все, кто блуждают, – потерялись.

Дж. Р. Р. Толкин

Глава 1

Начало

Я сбилась с пути.

Фрейя смотрит на только что напечатанные слова в телефоне.

Я сбилась с пути. Откуда это взялось?

– Простите, мисс, – повторяет водитель. – Похоже, я сбился с пути.

И Фрейя возвращается в реальность. Она едет на заднем сиденье «таун-кара» на седьмую – или восьмую? – за последние две недели встречу с доктором, и водитель за туннелем свернул не туда.

– Угол Парк-авеню и 70-й, – открыв календарь, подсказывает она ему. – Сверните направо на Третью, затем налево на 71-ю.

И снова смотрит на экран. Я сбилась с пути. Тринадцать символов. Но эти слова, как и нота до третьей октавы, звучат правдоподобно. Чего не скажешь о большинстве ее нынешних постов. Этим утром кто-то из работников Хейдена выложил фото, на котором она с улыбкой держит микрофон, и подписал: #РожденнаяСПесней. #ВдохновляющийЧетверг. Хотя поставить #РетроЧетверг было бы вернее, потому что фотографии несколько недель и человека на ней больше не существует.

Я сбилась с пути.

Что будет, если она запостит эту фразу? Что они скажут, если узнают?

Телефон вдруг пиликает, и только тогда Фрейя понимает, что нажала «Опубликовать». Начинают сыпаться ответы, но она не успевает их прочитать, потому что приходит сообщение от мамы: «720 Парк-авеню» – и смайл кнопки. Она, как и сама Фрейя, постоянно мониторит ленту. И конечно же, она не так все поняла. Фрейя не сбилась с пути. Она потеряла голос.

Девушка удаляет пост, надеясь, что никто не успел сделать скриншот или поделиться им, хоть и знает: в интернете ничего не пропадает. В отличие от реальной жизни.

Когда машина добирается до места, мама расхаживает по тротуару, держа в руках результаты анализов от другого врача, за которыми ей пришлось мчаться в центр.

– Отлично, ты здесь, – буркает она, открывая дверь еще до полной остановки машины, и выдергивает Фрейю, даже не дав той расплатиться приготовленными

десятью долларами. – Я уже все заполнила.

Она так говорит, будто сделала это, чтобы сэкономить время, хотя на самом деле всегда заполняет документы вместо Фрейи.

Их проводят сразу в смотровую, минуя ожидание в приемной. Такая консультация стоит $1500 и не входит в страховку (спасибо, Хейден).

– Что вас беспокоит? – спрашивает доктор, намыливая руки. Он не смотрит на Фрейю. Наверняка даже не знает, кто она. На вид годится в дедушки, однако, если верить слухам, он лечил знаменитость с мировым именем, каковой еще несколько недель назад пророчили стать Фрейе.

Жаль, перед удалением поста она не прочитала хотя бы парочку ответов. Может, кто-нибудь подсказал бы, что делать. Или заверил бы, что неважно, может ли она петь. Они все равно ее любят.

Только все это чушь. Любовь всегда условна. Как и все другое.

– Она потеряла голос, – отвечает мама. – Временно. – И выкладывает до занудства знакомую историю – «третья неделя в студии», «все идет безупречно» и бла-бла-бла, – а в это время у Фрейи в голове крутится фраза «Я сбилась с пути», как песня на повторе – так они с Сабриной снова и снова прогоняли один и тот же трек, чтобы проанализировать его, вскрыть все секреты и сделать их своими. Это сводило маму с ума, пока все не обернулось выгодой.

Доктор ощупывает шею Фрейи, заглядывает в горло, изучает пазухи. Интересно, как он отреагирует, если она харкнет. Увидит ли в ней человека, а не просто какое-то оборудование, которое вышло из строя. Услышит ли ее.

– Можете взять до третьей октавы? – просит доктор.

Фрейя выполняет указание.

– Она может брать отдельные ноты, – объясняет мама. – И у нее идеальная подача. Хейден говорит, никогда не слышал такой.

– Правда? – удивляется доктор, ощупывая связки. – Давайте споем. Что-то простое, например, «С днем рождения».

«С днем рождения». Кто не сможет спеть «С днем рождения»? Даже ребенку это по силам. И человеку, у которого нет ни слуха, ни голоса. Тогда Фрейя в знак протеста решает спеть с сильным французским акцентом.

– С днем рождения тебя… – выводит она. Мама хмурится, и Фрейя усиливает акцент. – С днем рождения тебя…

Однако голос умнее, чем кажется. Его не обвести вокруг пальца ужимками или ужасным фальшивым акцентом. И как только песня совершает октавный скачок – с первой на вторую, девушка спотыкается. Начинает паниковать. Дыхание становится свинцовым.

– С днем рождения, дорогая… – На «дорогой» все и происходит. Воздух заканчивается. Песня глохнет посреди вдоха. Мелодия была обречена на провал с самого начала.

– С днем рождения меня, – саркастически атонально заканчивает Фрейя с каменным лицом и проводит ребром ладони по горлу на тот случай, если посыл неясен.

– Это паралич? Мы слышали, что такое было у, – мама понижает голос, – Адель.

Ее слова пропитаны надеждой. Не потому, что она хочет паралич голосовых связок, а из желания связать Фрейю с Адель. Несколько лет назад она прочитала книгу «Твой путь» и уверовала в нее на все двести процентов. Теперь ее девиз – «Мечтай об этом, будь этим».

– Я назначу вам анализы, – говорит доктор и переключается на уже знакомый жаргон: – КТ, биопсию, ларингеальную ЭМГ, возможно, и рентген. – Он достает бланк, пододвигает к себе и как-то иначе смотрит на Фрейю. – И вам, наверное, следует это с кем-то обсудить.

– Уже сделано, но лоботомия не помогла.

– Фрейя! – одергивает ее мама. А потом обращается к врачу: – Мы уже ходим к психотерапевту.

Мы. Как будто они вместе к нему ходят. Как будто вместе принимают таблетки, которые, предположительно, подавляют тревогу, которая, предположительно, парализует голос Фрейи.

– Это просто произошло. Буквально за ночь. Если бы проблема носила, – мамин голос снижается до шепота, – психологический характер, это не случилось бы в мгновение ока, верно?

Доктор уклончиво мычит.

– Давайте назначим повторный прием через две недели.

Две недели – слишком поздно. Хейден ясно дал понять. Он назначил прием у известного врача, лечившего таких знаменитостей, как Адель, Лорд и Бейонсе. Заплатил за консультацию $ 1500, потому что этот чувак, поклялся Хейден, творит чудеса – таким образом намекая, что Фрейе требуется не дорогущее лечение, а настоящее чудо.

На улице ждет машина Хейдена, и явно не для того, чтобы подбросить их домой. Водитель открывает дверь и слегка кланяется.

– Мистер Бут просил привезти вас в офис.

Последние два года Фрейя проводила там много времени, но сейчас от этого требования ей становится дурно. Мама, до сих пор считающая Хейдена царем, а себя крестьянкой, тоже выглядит напуганной. И начинает суматошно листать сообщения.

– Наверное, хочет узнать, как все прошло.

Хейден Бут не вызывает просто так, милой беседы ради. Доктор наверняка позвонил ему в ту же минуту, как за ними закрылась дверь. А может, у него в смотровой и вовсе установлена скрытая камера, кто знает.

Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет? Если она не пойдет к Хейдену, он не сможет ее уволить. Раз он не сможет ее уволить, ее карьера не закончится. Раз карьера не закончится, ее по-прежнему будут любить.

Верно?

– Я устала, – махнув рукой, говорит она маме. – Поезжай одна.

– Он просил приехать обеих, – отвечает та, затем смотрит на водителя. – Он просил приехать обеих?

Тот понятия не имеет. Да и с чего бы?

– Я устала от этих дурацких приемов, – заявляет Фрейя, включая режим дивы, как его называет мама. Он здорово сбивает ее с толку, потому что, с одной стороны, «мечтай об этом, будь этим», а с другой – это чертовски раздражает.

Когда мама расстраивается, то поджимает губы и становится похожа на Сабрину или Сабрина на нее. «Очевидно, гены выбирают стороны», – шутила бывшая няня, подразумевая, что Фрейя пошла в отца: темная кожа, высокий лоб, характерные эфиопские глаза, тогда как ее сестра Сабрина была скорее похожа на маму: вьющиеся волосы, но не курчавые, и более светлая кожа, как у пуэрториканцев.

Но затем мама меняет решение, и ее рот расслабляется.

– Знаешь что? Так даже лучше. Я сама с ним поговорю. Напомню, что тебе всего девятнадцать. Что ты многого достигла. И у нас столько положительной динамики. Ожидание усилит их голод. – Она переключается на телефон. – Закажу тебе такси.

– Мам. Я сама могу добраться до дома.

Но та ее не слушает. Фрейе больше нельзя ездить в метро в одиночку. Мама установила в ее телефон приложение слежения – перестраховывается, хотя для этого, как и для режима дивы, пока рановато. Фрейя не настолько популярна. По

шкале Хейдена она где-то между суперобсуждаемой и знаменитой. Если она ходит потанцевать в клубы или посещает бар или кафе, куда часто заглядывают перспективные актеры/модели/певцы, ее узнают, если проводит мероприятие в торговом центре (чем она больше не занимается; как говорят журналисты, это не соответствует стилю), ее обступают толпой. Но в метро, среди обычных людей, она – никто. И все мамины действия основаны на ее амбициозности.

– Я лучше прогуляюсь, – добавляет Фрейя. – Может, пройдусь по парку, проветрю голову или посмотрю, какие сейчас распродажи в «Барнис».

Она знает, что мама не пойдет против исцеляющей силы «Барнис». Хотя в таких местах Фрейя чувствует себя слегка неуютно. Ее часто преследуют, и она никогда не знает, то ли все дело в популярности, то ли в цвете кожи.

– Найди себе что-нибудь симпатичное, – воодушевляется мама. – Отвлекись.

– Что у нас еще по расписанию? – по привычке спрашивает Фрейя, потому что всегда что-то есть, а мама это запоминала. Но сейчас звучит лишь неловкое молчание, и это больно ранит. Потому что ответ «ничего». По расписанию больше ничего нет, так как это время было отведено для работы в студии. Она должна была закончить запись. Через несколько дней Хейден на неделю уезжает на какой-то частный остров и вернется уже с Лулией, щербатой певицей, которую нашел в берлинском метро и превратил в знаменитость такой величины, что теперь ее лицо ухмыляется с билбордов на Таймс-сквер.

«Это могла быть ты», – сказал ей однажды Хейден.

Уже нет.

– Ничего, – отвечает мама.

– Тогда увидимся дома.

– Сегодня четверг.

По четвергам мама неизменно ужинает с Сабриной. Обычно это умалчивается. Фрейю никогда не приглашают.

Само собой.

– Я могу отложить, если что, – добавляет мама.

Горечь просто невыносима. Буквально ощутима на вкус. Интересно, растворит ли она эмаль ее недавно отбеленных зубов.

А еще это унизительно. Как можно обижаться на родную сестру? Сабрину, которая, как говорит мама, «многим пожертвовала». Последнюю фразу она произносит тем же шепотом, что и слово «передышка», когда обсуждает случившееся с Фрейей. «Ты просто берешь передышку».

«Передышка» – кодовое слово самосожжения.

– Тебе пора, – говорит Фрейя маме, пока обида не растворила все внутренности, оставив лишь мешок из кожи. – Хейден ждет.

Мама смотрит на машину, затем на водителя.

– Я позвоню, как что-то узнаю. – И садится в салон. – Развейся. Отдохни денек. Не думай об этом. Мало ли, вдруг это как раз то, что доктор прописал. Готова поспорить, если перестанешь об этом думать, тебе станет лучше. Погуляй по магазинам. А дома устрой марафон по «Скандалу».

Да, именно это и нужно Фрейе. А еще стакан теплого молока. И вторая лоботомия.

Дождавшись, когда мама уедет, она начинает идти, но не на юг к «Барнис», а на запад к парку. Достает телефон и листает ленту в Инстаграме. Видит еще одно фото, на котором она стоит под недавно распустившимся вишневым деревом у студии на Второй авеню. И подпись: #Музыка #Цветы #Жизнь #ВсякиеПрелести, а комментарии просто загляденье: «Нет ничего прекраснее тебя». «ХОЧУ НОВЫЙ КЛИП!» «Подпишись на меняПЛЗ!!!»

Раздается гудок машины, и кто-то отдергивает ее на тротуар, бросив с усмешкой: «Повнимательней». Фрейя не благодарит, вместо этого направляется в парк, где нет машин и можно спокойно почитать комментарии.

Она заходит на свой канал в Ютьюбе, который по инструкциям Хейдена не обновлялся уже пару месяцев. Он хотел, чтобы фанаты «оголодали» по новому материалу, тогда вмиг проглотят вышедший альбом и новые клипы. Фрейя волновалась, что о ней забудут, но Хейден заверил, что есть и другие способы оставаться у всех на виду, и нанял пиарщика, чтобы тот разместил несколько анонимных эксклюзивов о ней.

Фрейя поднимается по холму к мостику. Мимо проносится компания велосипедистов, взрывая воздух пронзительным свистом, словно парк принадлежит только им. Она открывает Фейсбук и печатает в поисковой строчке «Сабрина Кебеде». Такое удовольствие она позволяет себе раз в месяц, хоть и знает, что там нет ничего нового. Страничка ее сестры в Фейсбуке почти неактивна уже пару лет, всего два или три поста, и то все хэштеги.

И все же вот он, новый пост, ему несколько недель. Выложенная кем-то по имени Алекс Такашида фотография парня, предположительно, Алекса Такашиды, который держит тонкую руку с сапфировым кольцом. Внизу подпись: «Она сказала «да»!»

Фрейя узнает эту руку даже без лица.

«Она сказала «да»!» И спустя минуту Фрейя понимает, что это значит. Ее сестра помолвлена. С Алексом Такашидой. О котором Фрейя никогда и не слышала и уж тем более не встречала.

Она заходит к Алексу и видит, что его профиль открыт и почти на всех постах есть Сабрина, хоть и не отмечена. Вот на этом она чокается бокалом с Алексом в ресторане. На следующем Сабрина и Алекс на пляже. Тут она стоит между Алексом и мамой и улыбается в камеру. А здесь Сабрина вовсе не выглядит как человек, «пожертвовавший многим», она кажется счастливой.

Фрейю мутит. И для успокоения она открывает приложение, отслеживающее активность ее подписчиков. Ей даже не надо читать комментарии, чтобы стало лучше. Просто нужно знать, что они есть. Что количество лайков и подписчиков растет. Положительная динамика обнадеживает. А от нечастых падений сводит живот.

Сегодня показатели растут. Посты с работой в студии всегда идут на пользу. Люди с нетерпением ждут ее альбома. Интересно, что будет, когда спустя месяцы альбом так и не выйдет.

Только она знает. Хейден на первой же встрече расписал все в подробностях.

Фрейя открывает комментарии к утреннему псевдопосту. «Классные цветы». «С нетерпением жду альбом». И смайлики:

Она обновляет страничку, вдруг добавилось что-то еще, но изменений нет, и даже понимая, что будет только хуже, вновь возвращается к фотографии руки Сабрины. Мимо проносятся велосипедисты, свистя и крича ей, чтобы посторонилась, но Фрейя не сводит глаз с сестры и ее счастья. Не может избавиться от тошнотворного ощущения, что все сделала неправильно.

«Я сбилась с пути», – снова думает она и понимает, насколько же это верно. На нее мчится еще один велосипедист, и Фрейя, по-прежнему разглядывающая сапфировое кольцо, отскакивает и спотыкается, после чего не просто теряет равновесие, а падает с моста на какого-то беднягу.

* * *

В то время как Фрейя общается с очередным доктором, который не может ей помочь, Харун пытается воздать молитву.

Когда в мечеть заходят мужчины и занимают места на ковриках вокруг Харуна и его отца, он пытается сообщить Богу о своих намерениях. Но, хоть убей, не может. Потому что уже их не знает.

«Он пытается найти выход из положения», – написал его кузен.

Но какой он, этот выход, для Харуна?

«Я сбился с пути», – думает Харун, когда начинается молитва. «Аллаху акбар», – воспевает сидящий рядом отец. И снова эта мысль: «Я сбился с пути». Харун пытается сосредоточиться. Но не может. Не может думать ни о чем, кроме Джеймса.

«Прости меня», – написал ему утром Харун.

Ответа не последовало.

Даже «Убирайся из моей жизни» – это последнее, что сказал ему Джеймс.

И ответа не будет. Джеймс никогда не тратил слов впустую.

В отличие от Харуна.

Когда полуденная молитва завершается, Харун и его отец выходят из мечети, чтобы забрать обувь и обменяться любезностями с другими. Кругом обсуждают Хасана Бахару, который умер на прошлой неделе, заправляя машину.

– Говорят, сердце отказало, – объясняет Насир Джанжуа Абу.

На что получает хоровое цоканье. Упоминания о высоком уровне холестерина. И свойственные женам наставления больше заниматься спортом.

– Нет, нет, – одергивает их Насир Джанжуа. – Оказывается, у него был скрытый порок сердца.

Порок сердца. Харуну кое-что о нем известно. Вот только его порок проявил себя иначе. Он знает о нем уже несколько лет.

Абу хлопает Харуна по плечу.

– Все в порядке?

Я сбился с пути. Он представляет, как рассказывает обо всем Абу.

Но это лишь разобьет сердце отцу. Всегда приходилось выбирать, чье сердце пострадает. Для его уже все предрешено. Оно в любом случае разбито. Вот как бывает с пороком.

– Да, Абу, я в порядке, – отвечает он.

– Уверен? – не унимается тот. – Ты не часто приходишь в мечеть.

В его голосе нет упрека. Старший брат Харуна, Саиф, только пошел в среднюю школу в тот злополучный день одиннадцатого сентября, после чего стал называть себя Стивом и отказался посещать мечеть. К тому времени, как Харун перестал ходить в мечеть, битва уже была проиграна. Или выиграна. Зависит от того, с какой стороны посмотреть.

– Я подумал, раз мне придется… – Он умолкает. – Амир ходит каждый день.

– Да, твой кузен очень набожен. – Абу ерошит ему волосы. – Ты хороший мальчик. И сделал Амми счастливой.

– А ты?

– Всегда.

Он делает это ради «всегда». Чтобы продлить его.

И не потерять.

Они доходят до перекрестка Сип-авеню и Вест-Сайд. Харун поворачивает налево, в противоположную от дома и магазина Абу сторону.

– Сегодня же вроде нет занятий, – говорит Абу, предположив, что Харун идет в колледж.

По четвергам нет уроков. В прошлом году его объявили выходным. И в этот день они вместе слоняются по улочкам Манхэттена, точно привидения.

Зимой встречаются в «Челси Маркет» и прогуливаются мимо ресторанов, которые не могут себе позволить, пока Джеймс, мечтающий однажды стать поваром, пожирает глазами свежую пасту, масляные круассаны, сохнущие после приготовления сосиски и описывает блюда, которые когда-нибудь им приготовит. Когда на улице тепло, они встречаются в Центральном парке под арочным мостом.

Они не пропустили ни одного четверга. Даже когда из-за метели отменили наземные поезда, Джеймс заболел бронхитом и Харун хотел только одного – отвести его в какое-нибудь теплое и сухое место, но, хоть убей, не мог придумать куда. В итоге они оказались в кафе «Панера», пили чай и смотрели видео на Ютьюбе, притворяясь, будто это их квартира.

– У меня еще есть дела, – отвечает он Абу.

– Не опаздывай на ужин, – просит тот. – Мама ради готовки взяла два выходных. Приедет твой брат. С женой. – Отец пытается не морщиться при упоминании жены Саифа, но все тщетно.

– Не опоздаю, – уверяет Харун, хотя перед уходом из дома захватил паспорт и пятьсот долларов для завтрашней поездки и спрятал все в карман. Это решение было спонтанным, опрометчивым, но открывало возможность сбежать во благо, так что на ужин он ужасно опоздает. Он так решил Трус.

Я сбился с пути.

Он обнимает на прощание отца, что делает редко, и волнуется, как бы не вызвать подозрение, но Абу лишь говорит:

– Будь дома вовремя. Ты знаешь, какой становится мама.

Как только Абу скрывается из виду, Харун набирает сообщение: «Иду на наше место в парк. Встретимся там».

На Джорнал-сквер он садится в поезд. Запах туннелей – затхлый, плесневелый, напоминающий старые гаражи, – вызывает тоску по Джеймсу.

Как и все остальное.

Он доезжает до конечной на 33-й и, высадившись, проходит мимо неоновых вывесок сетевых магазинов. В первые дни, не зная укромных местечек в городе, они заходили в один из таких магазинов и примеряли различные свитера и брюки, которые даже не собирались покупать, чтобы прошмыгнуть в примерочную и поцеловаться, спрятавшись за реечными дверьми и скинув свитера к ногам в качестве маскировки. Иногда они что-нибудь покупали, например, носки, которые сегодня надел Харун. Они называли это арендной платой.

В руке звонит телефон, и Харун вздрагивает, надежда охватывает его как приливная волна, но это не Джеймс.

– Я тут подумала, неплохо бы купить Хале тот крем для рук, – говорит Амми, хотя для Халы и Халу, кузенов и возможных семей, с которыми предстоит встретиться, уже заготовлен чемодан подарков. – Ты пойдешь мимо «Хадсона»?

«Хадсон» – торговый центр неподалеку от их дома.

– Конечно, – отвечает он, ведь чего стоит еще одна ложь?

– Еще нужен имбирь. Приготовлю тебе чай в самолет.

– Охрана не пропустит меня с ним на борт.

– Значит, выпьешь до, – не сдается Амми. – Чтобы быть здоровым.

Сердце подскакивает к горлу. Он – трус, лжец и плохой сын. Харун вешает трубку, и через минуту раздается звон входящего сообщения. Он достает телефон, снова окунувшись в надежду, но это Амир.

«Скоро увидимся, Иншаллах».

«Иншаллах», – пишет он в ответ.

Проходит по парку до их места встречи у моста, ведомый автопилотом и надеждой. Когда замечает, что под вишневым деревом, под которым они целовались в тот последний день, кто-то стоит, на него снова накатывает волна надежды. «Возможно, это он», – мелькает мысль, хотя кожа слишком светлая, рост невысокий и вообще это женщина. Жаль, что Джеймс не женщина. Ха!

«Я на нашем месте», – пишет он.

Нет ответа, но это не мешает ему повсюду видеть Джеймса. Вот он едет на велосипеде в костюме из спандекса, хотя Джеймса ужаснуло бы даже то, что кто-то представляет его в таком нелепом наряде. Вот он толкает перед собой прогулочную коляску с ребенком, хотя Джеймс не любит заниматься спортом. Вот он идет к нему по туннелю под мостом.

Но эти люди – не Джеймс, и Харун ненавидит их за это. Он ненавидит всех и вся в этом мире. Если Аллах создал мир, зачем сделал Харуна неправильным? Если Аллах – любовь, тогда почему это не Джеймс идет по туннелю, а какой-то белый парень?

Вот о чем он думает в тот самый момент, когда девушка, которая не Джеймс, падает с моста и с грохотом приземляется на парня, который тоже не Джеймс.

* * *

В то время как Фрейя общается с еще одним доктором, который не может ей помочь, а Харун пытается воздать молитву, Натаниэль в дезориентации выходит на людную улицу Манхэттена.

– Я сбился с пути, – говорит он прохожим. Его не удивляет, что никто не отвечает. Он уже привык быть невидимкой.

Натаниэль точно следовал инструкциям стенда в аэропорту. Дошел до конца терминала, сел на автобус до Манхэттена. Но, очевидно, заснул и очнулся уже от шипения пневматических дверей автобуса, из которого все вышли.

Он пытается сконцентрироваться, но рассеянность и сонливость ужасно мешают. Название рейса оказалось буквальным – «красноглазый»[1 -

Красноглазый рейс (Red-eye flight) – авиаперелет с вылетом поздним вечером и посадкой ранним утром.].

Пока самолет летел над страной, которую Натаниэль так и не узнал, вокруг него в масках и с подушками под шею спали люди, принявшие таблетки, чтобы организм решил, будто они у себя дома в постели. Но он не спал уже две недели, потому и не надеялся покемарить в самолете. После взлета сидящий спереди откинул спинку сиденья, и Натаниэлю пришлось подтянуть колени к груди. Полночи он читал папин экземпляр «Властелина колец», а потом переключился на украденный в библиотеке путеводитель и при тусклом свете салона знакомился с достопримечательностями города, которых никогда не увидит. Эмпайр-стейт-билдинг. Метрополитен-музей. Центральный парк. Нью-Йоркский ботанический сад. Перелистнув к оглавлению, он взглянул на полученный от папы листок бумаги. На координаты места встречи.

Оказавшись на дневной улице, Натаниэль моргает и ловчится сориентироваться. Все такое новое и другое. Здания выше самых высоких деревьев. Лучи солнца свободно проникают сквозь облака, все звуки вокруг настолько громкие, что приходится прикрыть уши, чтобы переварить происходящее (вот гремят басы регги, оттуда доносится рев перфораторов, с другой стороны кто-то спорит, а там плачет ребенок). После долгого пребывания в тишине он впадает в звуковой культурный шок, если такой существует.

Тут его кто-то толкает, и Натаниэль возвращается в реальность. Этот грубый жест, свойственный Нью-Йорку, дарит ему наслаждение от человеческого прикосновения. Он две недели был одинок, все равно что вечность, поэтому рад и такому.

И все же, когда другой прохожий ворчит ему убраться с дороги, он подчиняется. Отступает под навес. Отсюда можно понаблюдать. Люди, какое скопление он еще не видел в одном месте, все делают быстро, начиная с курения сигарет и заканчивая оживленными беседами по сотовым. На него никто не смотрит.

Натаниэль как-то даже не задумывался об этом. О людях. О городе. И сейчас жалеет, что у него не будет возможности окунуться в эту атмосферу. Куда там ему нужно идти? Схема метро напоминает суп из букв и цифр. Его маршрут назывался легко. Поезд «А». Судя по карте в аэропорту, автобус должен был высадить его прямо на углу у станции метро. Но он не на углу, а посреди длинного квартала. Парень доходит до ближайшего угла. На указателе

написано: «42-я улица». Через дорогу парк – клочок зелени среди небоскребов. Это здорово и неожиданно – кажется, даже сам парк удивлен, что находится здесь, – но нисколько не помогает ему понять, где он сейчас и где должен быть.

– Я сбился с пути, – обращается он к потоку пешеходов. – Кто-нибудь может подсказать, где поезд «А»?

Но все проходят мимо, скорее напоминая организм с миллионом конечностей, чем отдельных людей, а Натаниэль среди них словно ампутант.

В самолете он прочитал в путеводителе, что разметка Манхэттена представляет собой прямоугольную сетку, авеню идут с севера на юг, а улицы с востока на запад, чем дальше на север, тем больше номер улицы, авеню же делятся на Восточные и Западные, которые соединяет Пятая, словно позвоночник. В буклете говорилось, что если потеряешься, сориентироваться тебе помогут достопримечательности: на юге башни-близнецы, на севере Эмпайр-стейт-билдинг.

Насколько ему известно, башен-близнецов уже нет. Немного заносчиво указывать их в путеводителе как ориентир, полагая, что они всегда будут на месте.

– Однажды мы отправимся в Нью-Йорк, – пообещал ему папа, вписывая это в список, висящий на внутренней стенке шкафа. – Однажды мы отправимся на гору Денали.

– А в Шир? – спросил Натаниэль, когда был слишком маленьким и не понимал разницу между настоящим и вымышленным местом.

– Конечно, – пообещал ему папа. – Туда мы тоже отправимся.

Мимо проезжает желтое такси, точь-в-точь как в телешоу, которые они с отцом иногда смотрели между документальными фильмами. Можно доехать до места на такси. Он достает кошелек и украдкой подсчитывает наличку (в путеводителе было предупреждение: «Остерегайтесь карманников и мошенников»). Опустошив банковский счет, он собрал достаточно денег на билет на самолет, проезд в автобусе до и из аэропорта, и осталось около ста двадцати долларов. Часть него понимала, что ехать куда-нибудь с такой

мелочью глупо, тем более в Нью-Йорк. Но в том-то и смысл. Вылететь из гнезда. Исключить возможность отступления.

Однако он так долго был предусмотрительным и бережливым, что не может полностью отказаться от старых привычек. Так что такси он не берет. Неизвестно, сколько стоит проезд. От него разит провинцией, как от деревенщины, и водитель запросто может его обуть. «Остерегайтесь карманников и мошенников». Кроме того, Натаниэль не знает, как остановить такси. Видит, как это делают другие – выходят на дорогу и выставляют руку, – но боится, что в его случае машины просто проедут мимо.

Он достает телефон, до боли скучая по папе. Набирает его номер. Три гудка, и звонок переключается на голосовую почту. «Надеюсь, новости хорошие», – включается запись папиного голоса.

– Привет, пап, – говорит Натаниэль. – Я это сделал.

Кладет трубку, открывает путеводитель и большим пальцем перелистывает до карты в середине. Отыскивает 42-ю улицу и, прочертив по ней линию до квадрата зелени, с удивлением, облегчением и даже энтузиазмом видит, что есть доказательство тому, где он находится.

Клочок зелени – это Брайант-парк. Шестая авеню взбирается по его западной стороне и упирается в Центральный парк. Центральный парк! О нем написано в путеводителе. Слева от парка он находит голубой круг, обозначающий остановку поезда «А». Можно пройтись пешком. Почему нет?

И Натаниэль отправляется в путь, ощущая ту же легкость, что и при принятии решения приехать сюда. Проходит мимо 50-й улицы, на указателе написано «Рокфеллеровский центр», а дорогу на одном перекрестке пересекает больше людей, чем во всем его выпускном классе. Минует 54-ю улицу и видит указатель «Нью-Йоркский музей современного искусства», и пусть он его не посещает, ощущение причастности уже поселяется в нем. «Однажды мы увидим «Мону Лизу», – обещал его папа, картина явно выставлена не здесь, но Натаниэлю все равно кажется это обещание частично выполненным.

Он добирается до Центрального парка быстрее, чем рассчитывал. Слишком быстро. Западная окраина дотягивается до кольца, откуда отправляется поезд

«А», но парень снова открывает путеводитель с картой. Сам парк тянется до 110-й улицы. Натаниэль может дойти туда пешком. Или даже до самого конца. В автобусе, прежде чем заснуть, он мельком увидел по другую сторону реки очертания Манхэттена, но потом автобус заехал в туннель. Казалось немыслимым проникнуть на территорию этой крепости, но вот он здесь. И может позволить себе не спешить. Папа поймет.

Когда он входит в парк, его поражает то, насколько все кажется знакомым. Природа тут совершенно отличается от его родных мест, но, выходит, деревья – это деревья, цветы – цветы, птицы – птицы, а ветер – ветер.

Солнце на небе слегка склонилось к западу. Он знает, где находится. Знает, где север. Вместо главной дороги он выбирает одну из троп. Так есть риск заблудиться, но сон как рукой сняло. Сейчас он куда более живой и бодрый, чем в последние дни. Он знает, куда идет.

Тропа уходит под небольшой арочный мост, образуя туннель-портал в парк. Натаниэль рассматривает кирпичи. Они настолько старые, что между ними практически не видно стыков. Под мостом темно и пахнет плесенью. Парень задерживает дыхание, как давненько случалось, когда они ехали через туннели и папа подбадривал его в тех, что подлиннее («Ты почти у цели, приятель»).

«Я почти у цели», – мысленно отвечает он папе, выходя из туннеля. И тут вдруг ощущает давление воздуха, которым оказывается Фрейя, но не успевает рассмотреть, а тем более понять произошедшее, потому что она падает прямо на него и вокруг становится темно.

Порядок утраты

Часть 1

Фрейя

Свою первую песню я спела в первую минуту жизни. Так рассказывал мне папа. Когда я родилась, то не заплакала – вообще не издала ни звука, и у папы чуть не

остановилось сердце, ведь он решил, что со мной что-то не так. В палату сбежалась куча докторов и медсестер. И тогда я издала звук, но не свойственный ребенку, не крик или кряхтение, а нечто явно музыкальное. «Это была идеальная «ля-диез», – сказал мне папа и добавил, что я держала ее как минимум секунду-две. Медперсонал облегченно рассмеялся. «Ты родилась с песней, – сказал он. – И с тех пор не прекращала петь».

«Вот же глупость, – заявила моя сестра Сабрина. – Когда дети рождаются, они ничего не умеют, тем более петь».

Но она сказала так, потому что завидовала. Она родилась за четыре года до меня, и папа не присутствовал при родах. Он выступал на концерте, а когда узнал, что мама рожает, Сабрина уже появилась на свет, и, полагаю, родилась она не с песней, а с хмурым взглядом, хотя об этом умалчивается.

Может, потому, что он присутствовал при моем рождении, может, потому, что я родилась с песней или что мы похожи, я была папиной дочкой, а Сабрина – маминой. Они как будто еще до развода приняли решение о раздельной опеке. Сабрина проводила вечера с мамой, они разгадывали кроссворды или разбирались в кухонных шкафах. Я после обеда зависала с папой в его небольшом кабинете, который он использовал в качестве студии. Там, среди коробок со старыми виниловыми пластинками и кассетами, он включал мне записи своих любимых американских исполнителей, таких как Билли Холидей, Нина Симон и Жозефина Бейкер, и эфиопских артистов: Астер Авеке и Джиджи. «Слышишь, как они поют о своих горестях? Как воспевают то, о чем не могут сказать?» Он показывал мне фотографии этих женщин с красивыми голосами и лицами. «Дважды благословленные, как жакаранда, – говорил он. – Как ты».

В Уайт-Плейнс, где мы тогда жили, жакаранда не росла, но папа рассказывал, что в Аддис-Абебе по весне это дерево благословляет своим необыкновенным, пурпурным и ароматным цветением. А зимой, не такой холодной, как здесь, воздух наполняется ароматом эвкалипта. Он рассказывал про готовку своей мамы, по которой безумно скучал. Про тибс, широ, зажаренную перед праздниками козу, инджеру. Водил меня в рестораны, где подавались его любимые блюда, которые в итоге полюбились и мне. Разрешал сделать глоток горького кофе и сладкого медового вина. Показал, как есть пальцами и ни кусочка не уронить. «Konjo, konjo, – говорила ему похожая на меня официантка. – Красивая».

Он обещал, что однажды отвезет меня в Эфиопию. Обещал, что однажды покажет мне клубы Нью-Йорка, в которых когда-то играли Чарли Паркер, Майлз Дэвис и Джон Колтрейн. Обещал, что однажды отведет меня послушать своего героя – эфиопского джазового музыканта Мулату Астатке, повторить карьеру которого он приехал в Америку. «Считалось невозможным объединить эфиопский и американский, но послушай доказательство, – говорил он, включая мне записи Астатке. – И посмотри на доказательство», – с улыбкой добавлял после.

«Пой вместе со мной, Freaulai, – просил папа, и я пела. Тогда он закрывал глаза и улыбался. – Рожденная с песней».

«Потише!» – кричала из другой комнаты сестра. Ее, как и маму, нисколько не интересовали Астатке, тибс или поездка в Эфиопию. «Мы живем здесь, – отвечали они, когда папа мечтал перевезти нас на родину, поближе к его семье. – Мы – твоя семья», – говорили они ему.

«Прекрати петь!» – орала Сабрина, если я не замолкала.

«Обещай, что никогда не перестанешь петь», – шептал мне папа.

Я обещала. И, в отличие от него, сдержала обещание.

* * *

Сабрина утверждала, что когда-то давным-давно наши родители смеялись и танцевали в гостиной. Что влюбленная мама ходила на папины выступления и верила, что любовь преодолеет огромный разрыв между еврейкой из Уэстчестера и джазовым музыкантом из Аддис-Абебы.

Сабрина сказала, все изменилось после моего рождения. Правда ли это? Или Сабрина просто была Сабриной? Той, что сжимала мое запястье, пока не появлялись красные пятна. Она называла их изгибами любви – напоминанием о том, кто меня любил. Той, что шептала мне на ухо: «У тебя воняет изо рта. У тебя курчавые волосы» – и злилась, когда я плакала. «Кому еще можно сказать правду, как не любящему тебя?» – говорила она.

Я ничего не знала о былой любви родителей. Стаккато ударов и частые ссоры были таким же постоянным саундтреком моего детства, как и музыка, которую мне играл папа. Только я этого не понимала, пока весь шум не прекратился и в доме не воцарилась тишина.

* * *

Однажды, когда мне было десять, я вернулась из школы и увидела, что папа не спит – довольно необычное явление. По ночам он работал водителем в службе заказа машин, уходил поздно и старался заполучить пару минут на сцене в клубах Виллиджа, количество которых сокращалось. Он часто возвращался домой, когда мы с Сабриной вставали в школу, и спал до самой работы. Но в тот день он бодрствовал. Стол был заставлен круглыми тарелками с эфиопской едой.

Я так обрадовалась еде и папе, что не обратила внимания на стоящие в коридоре собранный чемодан и футляр для трубы. В любом случае вопросов бы это не вызвало. Папа иногда уезжал в короткие турне, хотя в последние несколько лет такого не случалось.

– Куда ты? – спросила Сабрина, которая сразу заметила вещи.

– Моя мама больна, – ответил он, накладывая нам большие порции. – Я поеду к ней.

– С ней все будет хорошо? – взволновалась я. Я совершенно не знала Аятэ. Она была слишком слаба для путешествий, а мама сказала, у нас недостаточно денег для покупки билетов в Эфиопию.

– Ну а как же.

– Когда ты вернешься? – спросила Сабрина.

– Скоро, Sipara.

Сестра нахмурилась. Ей не нравилось, когда он называл ее эфиопским именем.

– Как скоро? – не унималась она.

– Скоро, – повторил он. – Хотите, чтобы я вам что-нибудь привез?

– Можно одно из этих белых платьев? – попросила я. Я видела подобные на женщинах в ресторанах и на фотографиях кузин. Красивые, тонкие, белые и с нежной вышивкой. Мне очень хотелось такое.

– Хабеши? – улыбнулся он. – Обещаю. – Затем посмотрел на Сабрину. – Хочешь, тебе тоже привезу?

– Нет, спасибо.

Мы поели, и он поднялся, чтобы отправиться в путь. В его глазах стояли слезы, когда он обнимал меня и пел, но не песни Билли Холидей или Нины Симон, которые мы исполняли вместе, а «Tschay Hailu» – ритмичную колыбельную, которую он пел мне каждый вечер. «Eshuururururu, eshuururururu, ye binyea enate tolo neyelete dabowen baheya wetetune beguya yezeshelet neye yezeshelet neye».

– Пой вместе со мной, Freaulai, – попросил он, и я запела.

Когда песня закончилась, он посмотрел на меня на расстоянии вытянутых рук, по его лицу текли слезы.

– Обещай, что никогда не перестанешь петь.

И я, как всегда, сказала «обещаю».

Он вытер лицо, взял чемодан, футляр и ушел. Я выбежала за ним в коридор.

– Не забудь про белое платье, – крикнула я.

Но он исчез.

* * *

Бабушка умерла через пять недель. Я плакала, но не от грусти, а из-за того, что папа останется на похороны и уладить ее дела. Прошедших недель мне и так хватило с лихвой. Без него семья напоминала стул с тремя ножками.

– Сколько еще? – спросила я сквозь треск телефонной линии, на тот момент его не было уже два месяца.

– Осталось недолго, – ответил он.

– Ты не забудешь про белое платье?

– Не забуду.

Я повесила трубку. Сабрина стояла рядом. Она поговорила с ним всего несколько минут, односложно отвечая «да» или «нет». Она как будто совсем по нему не скучала. Хотя с чего ей скучать? Она была маминой дочкой, а мама была рядом.

Скрестив руки на груди, Сабрина смотрела на меня с тем же выражением лица, с каким указывала на мои недостатки.

– Ты же знаешь, что он не вернется?

– В смысле?

– Он теперь дома. И не захочет возвращаться.

– Но мы здесь.

– Мама все равно собиралась его выгнать, – ответила Сабрина. – Думаешь, он вернется только ради тебя?

– Ты просто злишься.

Она посмотрела мне в глаза. Ей было четырнадцать, но от одного ее взгляда вздрагивали даже взрослые.

– Фрейя, он забрал с собой трубу. Зачем ему забирать ее, если он вернется?

– Наверное, хотел сыграть Аятэ, – предположила я.

– Он не вернется, – отрезала Сабрина.

– Нет, вернется! – закричала я на нее. – Ты просто завидуешь, потому что меня он любит больше. Потому что я умею петь. Он вернется!

Она даже не разозлилась. Лишь с жалостью взглянула на меня. Потому что знала. Сабрина всегда знала.

– Нет, не вернется.

* * *

Через несколько месяцев я получила посылку. Согласно извилистым, неразборчивым буквам амхарского языка на марках, ее отправили пару недель назад.

Внутри лежало белое платье. Красивое. Тонкое, с фиолетовой и золотой вышивкой. Оно идеально мне подошло. А еще записка от папы. В ней было написано: «Я обещал».

И тогда я поняла, что Сабрина была права.

Я выкинула платье в мусорку. После чего зашла в комнату, залезла в кровать и разрыдалась.

– Что на тебя нашло? – спросила мама, застав меня вечером в таком состоянии. Лишь через несколько недель после этого она усадила нас с Сабриной за столик в «Стар Динер» и торжественно объявила о том, что мы и так знали: они с папой разводятся, он пока останется в Аддисе, но они что-нибудь придумают, чтобы мы могли видеться. Еще одно несдержанное обещание.

Я не ответила. Просто продолжала рыдать в подушку.

– Я не знаю, что с ней, – сказала мама Сабрине. – И как взбодрить ее.

Обычно этим занимался папа. Именно он сидел со мной, когда я болела или была напугана. Именно он не требовал объяснений, когда из-за переполняющих эмоций я не знала, что делать. «Пой о том, что не можешь сказать, Freaulai», – говорил он.

Сквозь слезы я услышала, как дверь в очередной раз со скрипом открылась. Это была не мама, которая уже приходила несколько раз и просила успокоиться. Это была Сабрина.

Она молча забралась на кровать, а потом моя сестра, которой не нравилось, когда ее обнимают, целуют или даже прикасаются, прижала меня к себе.

– Не волнуйся, – пробормотала она. – Теперь я о тебе позабочусь.

Но я ей не поверила. Сабрине, которая от любви сжимала мои запястья и забрасывала язвительной критикой. Которая ненавидела широ, тибс и просила заткнуться, когда я пела. Как она обо мне позаботится?

Словно услышав мои сомнения, сестра начала петь. «Eshuruururu, eshuruururu, ye binyea enate tolo». Я никогда не слышала, как она поет, даже по праздникам. Вообще не знала, что она умеет петь. И все же она пела колыбельную чистым голосом. Она пела ее, как будто тоже родилась с песней.

– Пой со мной, – сказала она.

И я запела. «Eshuruururu, eshuruururu, sefecheme azeyea segagere azeyea seserame azeyea sehedeme azeyea yenima biniyea werede ke jerbayea». Мы лежали вместе и пели в унисон, даже не стараясь. Наши голоса идеально сочетались, так легко, как никогда в жизни.

Мы пели, и я перестала плакать. Я верила, что пока мы поем вместе, у меня все будет хорошо.

Порядок утраты

Часть 2

Харун

Когда мне было девять, Амми объявила, что к нам приедет семья ее сестры из Пакистана. Я очень обрадовался. Ведь еще не встречался ни с Халой, ни с Халу, ни с тремя своими кузенами. Юсне было девятнадцать – слишком взрослый, чтобы представлять интерес, но близнецы Амир и Аиша оказались моими ровесниками. Аиша была очень громкой и непослушной и быстро сдружилась с моей младшей сестрой Халимой – они сбегали тайком в «Севен-элевен» за печеньками и чипсами.

И я остался с Амиром, невысоким, тихим и осторожным – полной противоположностью его сестры. Он не хотел ходить в кино, играть в мини-гольф или даже отважиться на поездку на Манхэттен, чтобы познакомиться с достопримечательностями. Поэтому мы сидели дома и играли в настольные игры или лежали во дворе, наблюдая за взлетающими из аэропорта Ньюарк самолетами. «Это рейс семнадцать «Континентал Эйрлайнз» до Лос-Анджелеса», – сказал я Амиру. А когда тот спросил, откуда я знаю, показал ему блокнот, в который записывал все отправления и прибытия. Я никому его не показывал, потому что Саиф предупредил, что если кто-то заметит, меня могут неправильно понять. Но Амир не увидел в блокноте ничего странного, а когда я признался, что мечтаю однажды стать пилотом, он не подумал, что я сошел с ума. «Можешь прилетать ко мне в Пакистан», – ответил мне на это Амир.

Он каждый день ходил со своим папой молиться, и на той неделе я к ним присоединился, хотя обычно делал это с Абу только по пятницам и в праздники.

– Твой кузен делает тебя набожным, – заметил Абу.

– Твой кузен превращает тебя в подлизу, – сказал Саиф.

Однажды я вернулся из мечети и застал Амми и Халу за обеденным столом. Амми там часто работала. Она разложила бухгалтерские книги, рядом стояла ее чашка горячего чая. Хала жаловалась на Аишу, которая таскает вредную еду и

прячет улики в мусорке, их-то и обнаружила Амми, от нее вообще мало что укрывалось, будь то утерянные чеки или плохое поведение детей.

– Она так потолстела, – брякнула Хала, качая головой.

– Она не должна врать, – возмутилась Амми, внеся информацию по чеку и переложив его из одной стопки в другую.

– Меня больше беспокоит то, что она толстеет, – ответила Хала. – Сильно толстеет.

Амми щелкнула языком.

– Ей и так не особо повезло с внешностью, – продолжила Хала. – Наверное, еще в утробе Амир забрал себе всю ее красоту. Проще найти ему мужа, чем Аише.

Я не совсем понял, о чем они говорили, но от мысли об Амире и его муже в моем животе что-то странно защекотало.

После этого я стал постоянно украдкой смотреть на Амира. Он был симпатичным. Его длинным ресницам можно было позавидовать, волосы ниспадали на лоб, а губы были красными и блестящими, как у Халимы, когда она тайком мазала их запрятанным в рюкзаке блеском. Я наблюдал, как его губы складываются бантиком, когда он пил лимонад через трубочку, и представлял, каково это – быть трубочкой между губ Амира.

– Что?! – спросил меня Амир, поймав за подглядыванием.

И снова это щекочущее ощущение.

Во время асра на следующий день я бормотал молитвы, глядя на ухо кузена. И как я прежде не замечал красоту его ушей? Хитросплетения, складки, утонченный изгиб мочек, которые у некоторых, как у Абу, прижимались к шее, а у других, как у Амира, торчали. Я словно впервые прикоснулся к своим ушам, и щекочущее ощущение вернулось.

Тем вечером мы все смотрели фильм. Выбрали «Аладдина», потому что кузены еще ни разу его не видели. Халу не одобрил, как изобразили ислам.

– Да и Жасмин одета неподобающе, – добавил Амир.

Мы все сбились в подвале у телевизора и включили диск. Старшим детям было скучно. Саиф пытался повторять за Робином Уильямсом, но постоянно мазал, потому что уже давно не смотрел этот мультик.

– Тсс! – шикнул я в интересах кузенов.

– Отстойный мультик, – прокомментировал мой брат Абдулла.

– Зато сколько воспоминаний, – заметил Саиф. – У меня были такие фантазии с Жасмин.

– Не стоит говорить о таком при детях, – чопорно произнес Юсна.

– Они даже не понимают, о чем мы говорим, – возразил Саиф.

«Я понимаю», – хотел сказать я. Но все же промолчал. Ведь точной уверенности не было, я просто знал, что это связано с разговором Амми и Халы об Амире и странным щекочущим ощущением в животе.

Я понимал, что Жасмин должна казаться красивой, а ее манера одеваться – сексуальной, исходя из слов брата, она была объектом желаний. Но меня не интересовала Жасмин. Я не мог отвести взгляда от Аладдина. У него было милое, утонченное лицо, как у Амира. А на сценах, где Аладдин появлялся с обнаженным торсом, щекочущее ощущение в животе становилось еще сильнее.

Мы досмотрели «Аладдина» и включили «Русалочку», но диск был поцарапан, и на середине мы сдались и пошли спать.

Для размещения гостей нашей семье пришлось потесниться. Нам с Амиром выделили надувной матрас в гостиной. Мы спали там всю неделю, и, кроме растяжения мышц на шее, ничего такого не произошло.

Той ночью мне приснился Аладдин. Мы сидели на ковре, но не из мультика, а из жизни. Я ощущал его мускусный запах.

Аладдин был с обнаженным торсом, и я водил рукой по его гладкой коже. И он был не мультяшным, а самым что ни на есть настоящим. Во сне Аладдин стал Амиром. И мы вместе летели. Я держался за Амира так же, как Жасмин за Аладдина.

Матрас прогнулся. Я чуть приоткрыл глаза, и щекочущее ощущение переросло во что-то более сильное – покалывание по всему телу, пульсацию между ног.

В приоткрытое окно задул прохладный ветерок, и я, до конца открыв глаза, увидел, что во сне прижался к Амиру. Моя рука лежала на его груди, теплой и влажной. Сердце обрело целостность. И в тот момент мне пришло понимание, кто я.

Матрас снова прогнулся, и Амир открыл глаза.

– Что?.. – начал спрашивать он с той же виноватой интонацией, с какой спрашивал ранее, когда думал, что его отругают за огромное количество выпитого лимонада. А затем посмотрел на мою руку. – Что ты делаешь?

– Комар, – отдернув ладонь, соврал я.

Амир перевернулся на бок и заснул, а я лежал неподвижно на матрасе, боясь, что если пододвинусь слишком близко, он сразу же поймет, что со мной что-то не так. Следующей ночью я перебрался на диван, обвинив Амира в том, что он пинался, и после этого отвергал все его просьбы понаблюдать за самолетами. Он обиделся, но обида лучше отвращения.

В пятницу кузены уехали, и Абу спросил, не хочу ли я снова сходить на аср. Мне нравилось ходить с ним в мечеть, проводить с ним время. Но меня учили, что Аллах может заглянуть в наши сердца. Он увидит меня. А я не мог этого допустить. И сказал Абу, что больше не хочу туда ходить.

Он вздохнул и нахмурился, но не стал спорить. Саиф подготовил для меня почву. Абу решил, что я просто взбунтовался. Вел себя по-американски. И я позволил

ему так думать.

Тогда я впервые соврал ему.

Порядок утраты

Часть 3

Натаниэль

Впервые папа прочитал мне «Властелина колец» в семь лет.

– Только маме не говори, – прошептал он.

– Почему он еще не спит? – пожаловалась мама, когда полчаса спустя мы все так же читали, я был взбудоражен как никогда, в голове крутились образы орков и эльфов. – Ты должен был уложить его спать.

Тогда папа спрятал книгу под одеяло и подмигнул мне.

– Ты и я, – прошептал он, когда она ушла. – Как Фродо и Сэм.

– Братство, – хихикая, ответил я.

– Братство двоих. – Он взял ручку и что-то написал на полях книги, которую затем спрятал под моей кроватью.

Братство двоих – и мама. Мы вдвоем бродили по лесу, ища то съедобные грибы, то энтов. Мы вдвоем не спали всю ночь, чтобы увидеть лунное затмение (которое, благодаря вездесущим облакам, так и не увидели).

Мы вдвоем лазали по деревьям, строили крепости и спонтанно отправлялись в поездку, невзирая на уроки и отсутствие дополнительной одежды. «Зачем она нам, приятель? – говорил папа. – Мы есть друг у друга. Большего и не нужно».

Когда мама объявила, что уходит, я даже не расстроился. Ведь мы были друг у друга. «Мне ужасно жаль, Натаниэль, – сказала она мне. – Но я больше не могу жить с двумя детьми». Она хотела забрать меня с собой в солнечную Калифорнию. «Разве не здорово?» Нет, не здорово. Я не хотел жить с ней в Калифорнии. Я хотел остаться здесь, в моем доме, с моими друзьями и папой. В конце концов, мы были братством.

«Я не оставлю тебя с этим инфантильным мужчиной», – заявила мама, а когда я пересказал это папе, он попросил приехать к нам бабушку Мэри.

«Если она такая взрослая, тогда почему сбегает от восьмилетнего мальчика?» – спросила Мэри в первый же день, поставив чемодан в цветочек на пол коридора и достав из сумочки резиновые перчатки, словно предчувствовала кучу грязной посуды в раковине – и не ошиблась. «Ничего страшного, – сказала она мне, соскабливая с тарелки трехдневную яичницу. – Я вырастила твоего папу, выращу и тебя. – Она бросила взгляд на отца, который сидел на диване в пижаме и читал комиксы. – Выращу вас обоих, по-видимому».

Папа подмигнул мне, и я без слов его понял. Нас было только двое. Братство двоих.

Бабушка Мэри заняла бывшую родительскую спальню, а папа переехал на свободную кровать в моей комнате. И вот так он полностью отказался от роли, которую изначально не выполнял в полной мере. Мы больше не отец и сын, а самое настоящее братство. Не спали допоздна и болтали обо всем: существовала ли разумная жизнь? Папа был в этом уверен. Могло ли быть такое, что мы на самом деле не живем, а являемся частью видеоигры, в которую кто-то играет? Папа считал это возможным. Мы обсуждали места, куда однажды отправимся. Папа хотел увидеть храм Ангкор-Ват. Я хотел побывать в Нью-Йорке, потому что начал смотреть «Субботним вечером в прямом эфире» и мне было интересно посмотреть, как его снимают.

– Договорились, – пообещал папа, добавив эти места к нашему списку. – Мы везде побываем. Вместе увидим мир.

– Братство двоих, – ответил я.

Так продолжалось несколько лет. Я жил своей жизнью, учился, осенью играл в футбол, а весной – в бейсбол. Мне хорошо давались позиции питчера и первого бейсмена, и тренер сказал, я могу попасть в команду на выездные игры. Бабушка Мэри ходила за продуктами, убиралась и заботилась о нас.

Папа по-прежнему работал айтишником, но не на постоянке, он называл себя фрилансером. Мама называла это как-то иначе, но через несколько лет вышла замуж и родила еще одного ребенка. Поэтому перестала жаловаться на папину работу, перестала спрашивать, хочу ли я жить с ней в Калифорнии.

Бабушка была приверженцем привычек. Каждый день носила один и тот же фартук. Каждое воскресенье ходила на одну и ту же мессу. От нее пахло «Нивеей» и «Палмоливом», и она всегда кашляла. Поэтому никто не заметил, что ее кашель ухудшился, стал отрывистым и влажным. И никто не заметил салфеток с кровью, в которые бабушка Мэри кашляла, потому что она смывала их в унитаз.

Когда обычная простуда переросла в пневмонию, рентген грудной клетки выявил рак легких. Четвертая стадия, как сказали доктора.

Дядя моего товарища по команде, Тайлера, недавно умер от рака толстой кишки. Именно Тайлер объяснил мне, что означает четвертая стадия. Папа отказывался в это верить. Настаивал, что Мэри будет в порядке.

– Не с четвертой стадией, – заверил Тайлер.

– Папа со всем разберется, – ответил я ему, потому что так думал. Он часами сидел в интернете, заказывал то лечащие кристаллы, то порошок из акульих плавников. В какой-то момент он решил купить в кредит билеты в Израиль, где предлагалось какое-то новое лечение стволовыми клетками, но заявку отклонили.

«Она справится», – настаивал он.

А тем временем Мэри становилось все хуже. Она прошла два курса химиотерапии, а потом прекратила. «Как мне заботиться о вас, если я каждые пять минут бегаю в туалет?» – спросила она.

Однажды я вернулся домой с бейсбольной тренировки, а бабушка лежала на полу. Папа сидел рядом, скрестив ноги и держа ее за руку, по его лицу текли слезы.

– Она умерла? – спросил я.

– Я не знаю, я не знаю, – ответил он.

Я подбежал к ней, прижал палец к шее, как показывали по телевизору, и почувствовал пульс. Мне было всего одиннадцать, но я остался спокойным, словно уже знал, что делать, словно готовился к этому моменту.

Когда приехали медики, один из них спросил:

– Сколько она уже без сознания?

Я посмотрел на папу, который сидел на том же самом месте, хотя мешался медикам.

– Сколько?

– Я не знаю. Я не знаю, – ответил он, раскачиваясь вперед-назад.

Мэри пробыла в больнице три недели. Доктора сказали, что, скорее всего, она уже не встанет.

– Черта с два, – ответил папа. И настоял на том, чтобы привезти ее домой. – Ей нужно выбраться из этого учреждения, подальше от ядов, которыми они ее пичкают.

Мэри не могла сама принять решение, папа был взрослым. И у докторов не осталось выбора, кроме как послушаться его.

Но именно я встретился с координатором из хосписа. Именно я заполнил все бумаги, заставил папу расписаться на пунктирной строчке, договорился о доставке к нам домой больничной койки и обслуживании медбрата.

Медбрата звали Гектор. Все то лето, пока Мэри лежала и умирала, он приходил почти каждый день, сначала на час или около того, чтобы скорректировать дозу обезболивающих и убедиться, что ей комфортно.

– Где твой папа? – спрашивал он меня в те дни, когда тот отсутствовал.

– О, он на работе, – врал я. Я не знал, где был папа. На прогулке. Играл в бильярд. Охотился в лесу за лекарством от рака.

Бабушке Мэри становилось все хуже, визиты Гектора становились все более продолжительными – он оставался уже на весь день, – вплоть до самого конца, когда она просто спала все время. Иногда он сидел со мной на кухне, однажды поджарил нечто, похожее на зеленый банан, оказавшееся в итоге плантаном, – получилось очень вкусно. В остальное время он сидел с Мэри, втирал лосьон в ее руки, причесывал волосы, разговаривал с ней и пел.

– Она вас слышит? – как-то раз спросил я.

– Я в это верю. – Он подозвал меня ближе. Мне не нравилось находиться в ее комнате. Там пахло кисло, слегка молоком, и Мэри, с трудом делая вдох, издавала ужасный дребезжащий звук. Но с Гектором я не боялся.

Я встал возле него, пока он заботился о бабушке. На его лице отражалась умиротворенность, даже счастье. Я этого не понимал.

– Разве не грустно смотреть, как умирают люди? – спросил я.

– Мы все умрем, – ответил Гектор, потирая запястья Мэри. – Это единственное, в чем можно быть уверенным и что объединяет всех людей на планете.

Он вложил мне в ладонь ее руку. И я почувствовал ее пульс, слабый и быстрый.

– Мне кажется, это честь – находиться рядом с людьми, когда они покидают мир, – добавил он.

– Честь?

– Честь, – подтвердил он. – И призвание. Знаешь, я был в твоем возрасте, когда понял, что хочу этим заниматься.

– Правда?

– Может, не год в год, но да. Я сидел рядом с бабушкой, когда она умирала. Дома в Вашингтон-Хайтс, в Нью-Йорке. Она почти уже не разговаривала, но перед смертью села и завела двухчасовой разговор с кем-то в комнате. На испанском. Я не говорил на испанском, поэтому понял, что она общается не со мной.

– И с кем она общалась?

– Лишь ей одной это известно, но мне казалось, что с моим дедушкой. Он умер за двадцать лет до нее. Я его никогда не видел. Но в тот момент понял, что он находился в ее комнате, чтобы сопроводить к следующему этапу.

У меня по коже побежали мурашки.

– Я видел это множество раз, – продолжил Гектор. – Как умирающие разговаривают с мертвыми. Как мертвые провожают умирающих к следующему этапу.

– А что за следующий этап? – спросил я.

Он улыбнулся.

– Этого я не знаю. И, к сожалению, никто из нас не узнает, пока не настанет наша очередь, но тогда мы окажемся не в том положении, чтобы этим поделиться.

Бабушка Мэри тихо умерла через две недели. Если кто и пришел сопроводить ее к следующему этапу, то сделано это было молча.

– Остались только мы, – сказал папа, когда забрали тело Мэри. Только впервые его слова показались мне скорее угрозой, чем утешением.

Глава 2

Все хорошо

«Все хорошо», – пытается сказать Натаниэль.

Только оказывается, говорить он не может. И двигаться. И связно мыслить. И взглянуть на склонившегося над ним человека, который гладит его по лбу и просит очнуться.

Но ему нравятся эти прикосновения.

Чего не скажешь об остальном.

– Ты меня слышишь? – спрашивает голос. – Можешь пошевелиться?

Голос красивый. Он осознает это даже в таком состоянии. Если бы голос мог выделять аромат, тот пах бы как финики.

Бабушка Мэри часто покупала сушеные финики. Они ели их и выплевывали косточки во двор в надежде, что прорастет дерево, но финики растут в пустыне, а он живет в лесу.

Жил в лесу.

Натаниэль ощущает на шее дыхание, теплое и щекочущее. А потом оно говорит:

– Открой глаза. Очнись. Пожалуйста, – просит дыхание.

И это «пожалуйста» помогает. В нем слышится нечто настоящее, печальное. Как тут не подчиниться?

Он открывает глаза и ловит на себе взгляд. Взгляд самых прекрасных глаз на свете. И грустных. Совсем как его, только эти карие, а его глаза – глаз – зеленый.

– Как тебя зовут? – шепчет ему на ухо Спасительница. Этот голос. От него бегут мурашки, не потому, что он красивый и пахнет черешней, а потому, что он кажется знакомым, но этого не может быть, ведь Натаниэль никого не знает в… где он? Это неважно. Он никого не знает с таким голосом.

– Как тебя зовут? – повторяет голос.

Как его зовут. Он это знает. Вот его имя, на самой верхней полке шкафа. Надо только до него дотянуться. Оно…

– Натаниэль, – говорит голос. – Натаниэль Хейли. Это ты?

Да! Это он! Натаниэль Хейли. Откуда она знает?

– Из Вашингтона.

«Да!» – хочется крикнуть ему. Из дома, поглощенного лесом. Откуда она знает?

– И ты приехал сюда… сегодня.

Да. Да. Да. Но откуда она знает?

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, – продолжает она. – Подсказка: не оставляй кошелек в кармане. До него сможет добраться даже старик.

Его кошелек. Он пытается до него дотянуться. Видит документы. Фотографию.

– Ты можешь сесть? – спрашивает Спасительница. Натаниэль не хочет садиться, но эти пальцы, этот голос, зовущий: «Натаниэль, Натаниэль, вернись». И этот голос такой знакомый, что похож на зуд, и такой красивый, как песня. Он может приподняться. Чтобы увидеть этот голос.

На один чудесный момент игра стоит свеч, чтобы все прояснилось. Только…

Запоздалая боль нагоняет его – так всегда бывает, – и голова симфонична с ней, живот вздымается в ответ. Она выбивает его из колеи. Он парит, уплывая из

этого мира. Ему нужен якорь, и он находит его в красивых грустных глазах Спасительницы.

Маленькая капелька крови – или две, потому что все двоится, – стекает с виска на щеку. Она похожа на слезу, и на мгновение Натаниэлю кажется, будто девушка плачет по нему.

Только это невозможно. Слезы не бывают цвета крови, да и по нему никто не плачет. Но его взгляд прикован к следу, сбегающему по щеке кровавой слезой. Это самый прекрасный цвет, самый прекрасный шрам. Он тянется за прикосновением к щеке. И пусть все кренится, размывается и двоится, он не промахивается, и пусть девушка красива и не знакома с ним, она не отодвигается.

* * *

Да, Фрейя не отодвигается, но все внутри нее переворачивается. «Ко мне никто больше так не прикасается», – думает она. Хотя странно так думать, ведь сейчас к ней прикасаются все время: стилисты, наставники, мама, куча докторов, Хейден и воротилы лейбла, руки которых задерживаются на ее плечах, ногах и талии немного дольше положенного. Прикосновения этих людей, которые поддерживают ее, помогают, кажутся неживыми, но от прикосновения этого незнакомца ее сердце пускается вскачь.

Какого черта?

* * *

Кровь с ее щеки оказывается на пальце Натаниэля. Он не знает, что с ней делать. Вытереть? Облизать? Сделать переливание?

– Эй, ты, – кричит Спасительница, – можешь нам помочь?

«Ты», к которому она обратилась, приближается и начинает щелкать перед глазами Натаниэля.

Это очень неприятно.

– Не думаю, что это необходимо, – говорит она. – Он очнулся.

Щелканье продолжается.

– Ты в порядке? – спрашивает Щелкунчик.

«У тебя ведь все в порядке?» – Натаниэлю частенько задавали этот вопрос: товарищи по команде, с которыми тренировался, девчонки, некогда вьющиеся вокруг него, тренеры, которые считали его перспективным парнем. «У тебя ведь все в порядке?» – спрашивали они. После ухода мамы. После смерти бабушки Мэри. После потери глаза. «У тебя ведь все в порядке?»

«Остались только мы, приятель».

Позже Натаниэль понял, что это был пустой вопрос. Люди хотели успокоения, хотели снять с себя ответственность, потому даже при том, что он чувствовал себя плохо, словно лягушка, кипящая в кастрюле, словно поглощенный разверзшейся землей, отвечал им: «Все хорошо».

И это такая явная ложь. Когда все бывает хорошо?

Но люди это проглатывают. Когда он говорит им, что все хорошо, они улыбаются. Их облегчение всегда ощутимо и вызывает глубокую печаль, потому что Натаниэль в очередной раз позволяет себе думать, что их намерения искренни. Он как Чарли Браун с этим дурацким футболом.

«Если что-то понадобится, только свистни», – говорят они как по сценарию. На что Натаниэль как по команде отвечает: «Конечно». И позволив надеяться, он причиняет себе куда больше боли.

Нет. Он на это не купится. Не позволит уложить себя на лопатки. Пусть он уже лежит на спине.

Парень начинает подниматься.

– Помоги ему встать, – требует Спасительница и берет Натаниэля за одну руку, а Щелкунчик за вторую.

«Дай мне руку, Нат», – говорил ему папа, когда учил забираться на деревья, выше кроны, где можно увидеть все, вплоть до самой Канады. Мама очень злилась. «Не знаю, кто из вас больший ребенок».

Сейчас он более стойкий. Он в порядке.

(Не совсем в порядке, но стоит на ногах.)

Просто ему нужно время, чтобы собраться с мыслями, сориентироваться, чтобы эти два незнакомца еще немного подержали его за руки.

– Ты в порядке? – снова спрашивает Щелкунчик.

– Все… – начинает говорить Натаниэль, чтобы освободить их от ответственности. Но не успевает закончить предложение, не успевает произнести «хорошо», потому что его тошнит. Прямо на ноги Спасительницы.

* * *

Фрейя смотрит на ноги. Запачканные рвотой. Она в последние дни крайне вспыльчива. Ее раздражает буквально все: слишком долгий светофор, несоответствие погоды на три градуса, любые слова.

Какой-то незнакомец только что блеванул ей на ноги.

И Фрейе хочется плакать, но не потому, что она злится или ей противно.

Какого черта?

Она извиняется, чтобы отойти и вытереть ноги.

* * *

Харун – трус, и это не обсуждается.

Когда он увидел, как девушка упала с моста на парня, какое у него возникло желание? Броситься к ним на выручку? Позвонить в «Скорую»? Позвать на помощь?

Нет, сбежать.

Итак, повторимся: его трусость даже не обсуждается.

Харун хотел убежать, потому что у него возникло странное ощущение – это произошло по его вине. Несколькими минутами ранее он фактически проклял этих двух за то, что они не Джеймс. Пусть он не попросил словами, но зато попросил с намерением – а Харун знает, что Бог к этому прислушивается. Все врут о том, чего хотят, но намерения всегда слышны Богу.

Поэтому сначала он встал неподалеку и попытался вспомнить подходящую молитву, которую произносят, когда случайно просят Бога нанести людям вред. Но в голову пришло лишь: «As’alu Allah al ’azim rabbil ’arshil azim an yashifika» – так у Аллаха просят исцеления. (Для себя он его попросить не мог.)

Но он хотел, чтобы в отчете было отражено, что, увидев кучу тел, представив, что они мертвы или получили серьезные увечья из-за его мыслей, он переборол шок и подошел ближе с намерением поступить правильно – оказать первую помощь, позвонить 911, прочитать верную молитву.

И в этот самый момент тела распутались, и женская часть кучи села. К счастью, он мог разглядеть ее лицо: острые скулы, характерные овальные глаза, королевская шея. А потом она попросила его о помощи. Этим голосом.

«Однажды мы с ней встретимся, – говорил Джеймс, когда они смотрели клип на его телефоне. – Скажем, что мы ее самые первые и большие фанаты. Она будет знаменитой, будет известнее Бейонсе, а мы станем ее лучшими друзьями. И она споет на нашей свадьбе».

Такие заявления лишали Харуна дыхания. Ему казалось слишком смелым представлять свое будущее с Джеймсом, а уж тем более думать о свадьбе, да

еще о свадьбе, на которой будет петь любимая певица Джеймса, которую они никогда не встречали.

Теперь, когда он наблюдает, как она скидывает туфли и обмывает ноги водой, в его голове появляются три мысли.

Первая: это не может быть она. Такого просто не может быть. Не с этим человеком, не в этом парке, не в этот день. И она напоминает ему о Джеймсе.

Вторая мысль: Джеймс, последними словами которого были: «Убирайся из моей жизни».

Третья: если это она, Джеймс простит меня.

Стоящий рядом парень еле сдерживает тошноту, и Харун переводит взгляд на него. Миловидный малый, таких симпатичных белых парней Джеймс называл «сладенькими».

– Я в порядке, – все твердит сладенький, хотя сам качается, как дерево во время бури.

Она (он не может решиться даже мысленно назвать ее имя) возвращается босиком и перенимает на себя половину покачивающегося сладенького. Харун не может смотреть ей в лицо, поэтому не сводит глаз с ног. Которые все еще мокрые.

– Спасибо за помощь, – говорит она хриплым голосом.

– Эм, – выдыхает Харун.

– Все хорошо, – лепечет покачивающийся сладенький.

Харуну так не кажется. Паренек не только качается, у него еще и глаза разного цвета. Может ли такое быть из-за падения?

– Кому мы должны позвонить? – спрашивает девушка.

«Джеймсу», – думает Харун. Но вопрос адресован не ему. Он поворачивается к парню, который щурится, словно его попросили назвать квадратный корень из 17 432.

– Папе? – наконец отвечает тот.

– Папе. Твой папа здесь? – спрашивает она.

Парень покачивается и кивает.

– Ты можешь с ним как-то связаться?

Харун замечает телефон на тропинке рядом с высыпавшимися из рюкзака вещами. Старается его поднять.

– Ты можешь позвонить?

Покачивающееся дерево открывает телефон – древнюю раскладушку – и нажимает кнопку. Раздаются громкие гудки. Включается голосовая почта. И мужской голос говорит: «Надеюсь, новости хорошие».

Эта запись возмущает Харуна. А если новости плохие? Что тогда?

После длинного гудка механический голос сообщает, что голосовая почта переполнена, и Харун понимает, что, очевидно, находится в меньшинстве, что многие рады поделиться хорошими новостями, раз голосовая почта переполнена благими вестями.

– Мне кажется, тебя надо отвести в больницу, Натаниэль, – говорит она, поворачиваясь к Харуну. – Похоже, он не в себе.

Еще бы, на него ведь упал человек. И пусть этот человек – она (он практически уверен в этом), думается, было больно. У парня наверняка сотрясение мозга. Абдулле однажды перепало крикетной битой по голове, так он потом не мог вспомнить свой адрес и дату рождения.

– Что думаешь? – спрашивает она.

Только через мгновение Харун понимает, что она интересуется его мнением, и вежливо отвечает еще одним:

– Эм…

– Ты можешь посмотреть, где здесь ближайшая больница?

– Да-да, больница-больница, – отвечает Харун, дважды повторяя слова. Достает телефон и испытывает облегчение, что может переключиться на что-то другое. Но у его большого пальца собственный разум, потому что тот зависает над иконкой с сообщениями. Харуна так и подмывает сообщить Джеймсу, кто рядом с ним, сделать тайком фотографию. Если Джеймс узнает об этом, то сразу смягчится. Примет его обратно.

– Ну что, нашел? – спрашивает она, и Харун чувствует, как краснеют его уши – этому бедному парню явно плохо, а он до сих пор думает о Джеймсе. Закончится ли это когда-нибудь? Амир обещал, что да – мол, однажды он оглянется и не поверит, что это произошло на самом деле. Это канет в Лету.

Он молится, чтобы так оно и было.

И молится, чтобы нет.

Девушка покашливает.

Харун поспешно открывает карту и находит неотложку.

– Да-да. Есть на Колумбус-авеню. Показывает примерно четверть мили отсюда пешком.

– Ты сможешь столько пройти? – спрашивает она Натаниэля. – Если мы тебе поможем?

– Мы? – Харун выпаливает вопрос от счастья и облегчения и слишком поздно понимает, что говорит так, будто не хочет помогать, когда на самом деле его сбило с толку слово «мы». – Да-да. Конечно-конечно. Поможем-поможем.

– Это не обязательно, правда, – заверяет Натаниэль. – Все хорошо.

– Уверена, так и есть, но пусть тебя все же посмотрит доктор, – отвечает она. Затем наклоняется и собирает содержимое его рюкзака, словно она – самый обычный человек, а не она.

Харуну стоит помочь – он ведь обычный человек, – но боксеры, книги и футболки возрождают в воспоминании чемодан, который с любовью собрала для него кузина – с новой одеждой, новой куртой, подарками. И когда он вспоминает это, его парализует стыд. Он-то думал, что опустился в пучину позора, когда на краю этого самого парка Джеймс сказал ему убираться из его жизни.

– Ладно, – говорит она, закинув рюкзак на плечо. – Идем.

– Вам не обязательно, правда, – настаивает Натаниэль. – У меня назначена встреча с папой. Все хорошо.

– Хватит это говорить! – восклицает Харун, его удивляет и одновременно приводит в замешательство резкость в собственном голосе. У него нет причин злиться на этого парня, который, пусть и не был Джеймсом, просто шел по парку, никого не трогал, и тут на него что-то упало. Не его вина, что Харун поверил Джеймсу, даже зная, что ничем хорошим это не закончится. Причем знал это с самого начала.

Надежда причиняет боль.

Харун это знает.

* * *

Натаниэль это знает.

* * *

И Фрейя тоже знает.

* * *

Если начистоту, у Фрейи тоже не самые благочестивые намерения. Теперь, вернувшись в реальность, она понимает, что наделала – упала с моста на парня, засмотревшись на фотографии счастливой сестры, которая сказала «да», – и скорее беспокоится за себя, а не за его самочувствие.

Она видит ситуацию глазами мамы – «Он может нас засудить» – и Хейдена – «отрицательная реклама», – и хотя в большинстве своем считает маму не просто зарождающимся параноиком, опасающимся, что люди засудят ее дочь, а самым настоящим психом («мечтай об этом, будь этим»), Фрейя трезво оценивает ситуацию.

Она упала с моста на обычного прохожего. Какой-то парень все это видел. Он держал в руке телефон. Откуда ей знать, может, он все заснял на видео и просто ждет, чтобы отправить фотографии на какой-то сайт со сплетнями или запостить их в Твиттере. Какой резонанс это вызовет? Больше, чем за успехом, людям нравится наблюдать за крушением.

Кажется, парень, на которого она свалилась, не узнает ее (да он самого себя-то не узнает), но Наблюдатель узнал. Когда Фрейя подросла и начала получать негативные комментарии, она иногда контактировала с хейтерами. «Эй, я всего лишь человек», – отвечала она. Или: «Это неприятно». И это было безумием, потому что тогда они отступали. Давно она этого не делала. Хейден сказал ей больше не отвечать фанатам напрямую. Даже не смотреть, что они о ней говорят. «Теперь это моя работа», – сказал он.

И все же, самый лучший способ обезвредить кого-то – убить его своей добротой. Вот почему она попросила Наблюдателя помочь отвести этого парня, Натаниэля, в неотложку.

(Это мера предосторожности, только и всего. И нисколько не связано с тем, как у нее в животе запорхали бабочки, когда Натаниэль коснулся ее лица.)

К тому времени, как они доходят до неотложки, ноги Фрейи становятся черными, а настроение и того хуже. Она понимает, что только что вляпалась в какую-то глупость, связалась с двумя парнями, которые могут ей навредить.

Надо было позвонить пиарщику, но она теперь не уверена, что ей ответят.

– Что у вас случилось? – спрашивает администратор неотложки.

– Мы были в парке, – объясняет Наблюдатель, – она упала с моста прямо на него и вырубила.

Фрейя представляет, как все это будет выглядеть в соцсетях.

«Уставилась в телефон. Самолюбование. Как типично!»

«Раньше нравилась, а теперь думает только о себе».

«Это точно».

«Такая сучка».

«Вы в курсе, что она толкнула сестру под…».

Администратор со скучающим видом человека, только сегодня слышащего эту историю десятки раз, передает им планшет со стопкой анкет.

– Заполните, и мне понадобится страховка.

Фрейя поворачивается к Натаниэлю, который, кроме как заверений, что все хорошо, больше ничего не произнес, и задается вопросом, не поврежден ли у него мозг.

«Он был блестящим ученым, – скажут они. – В шаге от разработки лекарства от рака. Пока она на него не упала».

«Еще одна разрушенная жизнь».

«Ненавижу эту сучку».

– Страховку, – повторяет администратор. – Иначе придется заплатить наличными за консультацию.

– У тебя есть страховка? – спрашивает его Фрейя. Но ее вопрос будто пролетает мимо ушей. – Можно твой кошелек?

Парень отдает его, и Фрейя залезает внутрь. Там лежат права, немного налички, посадочный талон, несколько визиток и за порванной подкладкой помятая фотография. Девушка всматривается в изображение более молодого Натаниэля и мужчины постарше, который подсказывает, как через десяток лет будет выглядеть ее новый знакомый – вероятно, его папа? Глубоко внутри что-то екает, словно область, где должно быть сердце, обвязали невидимой веревкой.

Она открывает свой кошелек и достает кредитку. В голове тут же возникают голоса мамы, Хейдена, пиарщиков, которые твердят, что она только что оставила физический след своей вины. «Но я просто пыталась поступить правильно», – отвечает она невидимым судьям.

Что ты знаешь о правильных поступках?

Администратор отдает Фрейе планшет с медицинскими анкетами. Изначально она планировала отвести его в неотложку и продолжить свой тоскливый путь, но, услышав слова невидимых критиков («Ты заплатила за него, потому что ответственность за случившееся лежит на тебе»), девушка не может так просто уйти. Тяжело вздохнув, она провожает Натаниэля к стульям и вручает ему формы. Наблюдатель все еще здесь. Может, ей удастся уловить момент, когда он оставит где-нибудь телефон, и удалить снятые фотографии до того, как они станут сенсацией в «Вашингтон пост»: «Дива вырубает пешехода».

Кого она обманывает? Она не может петь, а нет голоса – нет славы, ей не стать знаменитой или даже суперобсуждаемой, и, естественно, никаких сплетен в «Вашингтон пост». Фанаты исчезнут. А потом…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Красноглазый рейс (Red-eye flight) – авиаперелет с вылетом поздним вечером и посадкой ранним утром.

Купить: https://tellnovel.com/ru/geyl-forman/ya-sbilas-s-puti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить